

- tar, ein integraler Bestandteil der historisch-kritischen Ausgabe? // Editio. Internationales Jahrbuch fuer Editions-wissenschaft / Hrsg. von W. Woesler. Bd. 7. Tuebingen: Max Niemeyer Verl., 1993. P. 51-61.
7. Carlsson. A. Die deutsche Buchkritik. Von Anfaengen bis 1850. Bd.I. Stuttgart: W. Kohlhammer Verl., 1963.
8. Senger. H. —G. Der Kommentar als hermeneutisches Problem// Editio. Internationales Jahrbuch fuer Editions-wissenschaft / Hrsg. von W. Woesler. Bd. 7. Tuebingen: Max Niemeyer Verl., 1993. S. 62-75.

Ю.В. Филимонова

О новом подходе к нейтрализации в лексике

Как известно, в настоящее время не существует общепринятой теории нейтрализации, что во многом объясняется существованием различных школ и направлений, определяющих общий подход к данной проблеме. Для примера можно сослаться на существование различных интерпретаций понятия нейтрализации в фонологии. Так, в функциональной трактовке явление нейтрализации определяется как недействительность (non-validity) оппозиции фонем [1.С.81]. В теории Московской фонологической школы нейтрализация рассматривается как совпадение двух или нескольких фонем в определенной позиции [7.С.113]. Представленная в рамках теории лингвистических систем, нейтрализация связывается со снижением лингвистической ценности фонемы [9.С.79]. Следует отметить, что в нашей работе при исследовании явления нейтрализации мы исходили из тех положений о нейтрализации, которые были изложены в теории лингвистических систем Л. Н. Черкасова [9]. Однако в процессе анализа лингвистического материала нами были внесены определенные изменения и уточнения в понятие нейтрализации, позволившие по-иному представить механизм реализации единиц инвентарной системы языка и обусловленное данным механизмом явление нейтрализации. В статье «О нейтрализации нормативных грамматических единиц» [8] явление нейтрализации, в его новом понимании, было рассмотрено нами применительно к единицам грамматической системы русского языка. В настоящей статье мы ставим перед собой задачу представить яв-

ление нейтрализации в лексике. При этом мы исходим из основных принципов теории лингвистических систем и руководствуемся внесенными нами изменениями и дополнениями в понятие нейтрализации.

Обращает на себя внимание тот факт, что в литературе, посвященной изучению лексического значения слова, нейтрализация обычно рассматривается как снятие семантического противопоставления между словами [2.С.9; 6.С.172-175; 11.С.121-128, 4.С.62-68]. Как представляется, в основе такого подхода к нейтрализации лежит оппозиционный анализ лексики, для которого характерно выявление различных типов оппозиций и контекстов как позиций, в которых установленные оппозиции или имеют силу, или ее утрачивают. Так, например, Д.Н. Шмелев, исследуя синонимию русского языка, рассматривает нейтрализацию как один из критериев определения синонимов. Саму нейтрализацию автор связывает со снятием противопоставления слов по определенным признакам [11.С.129].

Сходное понимание нейтрализации характерно и для Л.А. Новикова, рассматривающего данное явление в связи с изучением полисемии. Автор отмечает, что в определенных случаях семы, различающие лексико-семантические варианты одного слова, утрачивают свою дифференцирующую способность и, как следствие этого, лексико-семантические варианты оказываются нейтрализованными, ибо их семантические различия в тексте не выражаются [6.С.174].

Аналогичный подход к нейтрализации представлен и в работе Ф.А. Литвина «Многозначность слова в языке и речи» [4.С.42], в которой нейтрализация определяется как снятие семантического различия между лексико-семантическими вариантами. При этом автор отмечает ее непреднамеренный (случайный) характер.

Заслуживающим внимания, в связи с вышеизложенным, представляется подход к нейтрализации при рассмотрении метафорического употребления слова. Сравнение данного подхода с тем, как трактуется нейтрализация при синонимии и полисемии, показывает, что при метафорическом употреблении слова под нейтрализацией понимается исключение семы из состава семемы, в то время как при синонимии и полисемии нейтрализация — это снятие семантического противопоставления [5.С.94-96; 4.С.31; 3.С.84-85].

Итак, мы видим, что понятие нейтрализа-

ции в лексике оказывается связанным с понятием оппозиция. Рассмотрение данных понятий в единстве, как думается, и позволяет исследователям утверждать, что нейтрализация в лексике — это снятие семантического различия между словами или между лексико-семантическими вариантами одного слова. То, что при изучении переносного употребления слова нейтрализация трактуется как исключение дифференциальной семы из состава семемы, а не как отсутствие оппозиции, не меняет сути дела, ибо при таком подходе мысль об отсутствии оппозиции поддерживается имплицитно. По мнению сторонников данного подхода, получаемые в результате метафоризации синонимы хотя и различаются, однако это различие относится уже к стилистическому уровню, а не к собственно семантическому уровню [3.С.85].

В настоящей работе при рассмотрении нейтрализации в лексике применяется системный подход, в основе которого лежит постулат о первичности связи и вторичности оппозиции, являющийся основополагающим принципом теории лингвистических систем и позволяющий рассматривать материал с точки зрения объединения элементов в функциональные системы [9.С.6]. При таком подходе оказывается возможным, как представляется, по-новому проанализировать явление нейтрализации в лексике, а именно, как явление, влияющее на системную значимость слова и связанное с наличием/отсутствием у единицы функциональной связи, на основе которой и формируется системная значимость слова.

Объектом анализа в нашей работе является знаменательное слово, а предметом исследования — его лексическое значение. Существенным является тот факт, что слово рассматривается нами на двух языковых уровнях: в инвентарной системе языка и в норме языка. Основанием для подобного описания служит положение теории лингвистических систем о языке как функциональной системе, состоящей из двух элементов — инвентарной системы единиц языка и нормы языка как механизма реализации данных единиц [10.С.36]. Выделение системного и нормативного уровней при исследовании лексического значения слова имеет целью наиболее полно и отчетливо представить процесс реализации слова, а также связанные с этим процессом определенные изменения в лексическом значении слова, ибо, как известно, слово, выполняя коммуникативную функцию, может по-разному и в разной степени реализовать свой семантический потенциал.

В связи с изложенным выше встает вопрос о необходимости разграничения системного и нормативного значений слова. Терминологически мы будем различать указанные значения путем использования, соответственно, терминов «семема» и «сенсема» (от английского слова *sense* «смысл»). Разграничение семемы как *инвентарного* лексического значения и сенсемы как *нормативного* лексического значения важно для понимания различий между семным составом значений слова в инвентарной системе и в норме языка.

Семеме мы определяем как инвентарное терминологическое значение слова, являющееся функциональной системой интенциональных сем и характеризующееся свойством целостности и независимостью от ситуации или/и контекста. Сенсема определяется как нормативное значение слова, включающее в свой состав функционально связанные интенциональные семы и импликационные семы, характеризующиеся ситуативной связью с интенциональными семами и функциональной связью с контекстом или/и ситуацией. Последнее обстоятельство обуславливает зависимость сенсемы от ситуации/контекста.

Сенсема как нормативное значение слова может выступать или репрезентантом, или носителем семемы. В первом случае сенсема полностью совпадает с семемой и, следовательно, слово употребляется в терминологическом значении. Например:

А гадалка, сбросив карты в ящик, зевнула, показала часть пятидесятилетней женщины и пошла в кухню (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

В данном предложении в сенсеме *женщина* выделяются семы «человек», «женский пол», «взрослый», которые по своему составу полностью совпадают с семами семемы *женщина*. Из этого следует, что слово *женщина* употреблено в терминологическом значении.

В том случае, когда сенсема рассматривается как носитель семемы, реализация семемы сопровождается актуализацией импликационных сем, обусловленных ситуацией. Такие семы характеризуются локальной связью с интенциональными семами сенсемы и функциональной связью с контекстом или/и ситуацией.

Существенным моментом при рассмотрении сенсемы как носителя семемы является учет неодинакового характера реализации семемы. Как показывает анализ конкретного лингвистического материала, возможно выделить

два типа реализации семемы:

семема реализуется полностью с одновременной актуализацией коммуникативно значимой импликациональной семы (или сем);

реализация семемы сопровождается исключением интенциональной семы (или сем) и актуализацией коммуникативно значимой импликациональной семы (или сем).

Проиллюстрируем данные случаи.

— *Если жулики полезут, — сказала она, — у нас мужчина в доме есть* (И. Велембовская. *Мариша Огонькова*).

В семеме *мужчина* выделяются семы «человек», «мужской пол», «взрослый», «защитник». Актуализация всех трех интенциональных сем «человек», «мужской пол», «взрослый», которые в инвентарной системе языка образуют семему *мужчина*, свидетельствует о реализации семемой *мужчина* всех системных отношений слова *мужчина* в семантическом поле «человек». Актуализированная сема «защитник» является импликациональной семой и, следовательно, связана с интенциональными семами ситуативной (локальной) связью. Однако, поскольку актуализация семы «защитник» обусловлена контекстом (сема воспринимается только в данном контексте), то, следовательно, она функционально связана с контекстом. Удаление или изменение контекста, передающего угрозу (*полезут жулики*), приведет к исчезновению семы «защитник» из состава семемы *мужчина*. Так, например, в следующем предложении сема «защитник» отсутствует в составе семемы *мужчина*:

Мужчина в суконном на вате пиджаке был совершенно подавлен служебной обстановкой, запахом ализариновых чернил, часами, которые часто и тяжело дышали, а в особенности строгим плакатом «Сделал свое дело — и уходи» (И. Ильф, Е. Петров. *Двенадцать стульев*).

Итак, в примере: — *Если жулики полезут, — сказала она, — у нас мужчина в доме есть*, семема *мужчина* определяется нами как носитель семемы *мужчина*, ибо происходит актуализация как интенциональных сем, так и импликациональной семы «защитник».

Рассмотрим пример, иллюстрирующий второй случай:

СИТУАЦИЯ: *Попова — помещица, вдова, в трауре — не выходит из дому, никого не принимает. Смирнов — помещик, приезжает за долгом ее мужа. Несмотря на отказ быть принятым, входит в гостиную, требует деньги, при этом громко разговаривает, используя*

грубые выражения. На просьбу уйти — садится в кресло в присутствии Поповой.

[*Попова*] (*сжимая кулаки и топая ногами*). *Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!* (А. Чехов. *Медведь*).

Исследуя слово *мужик* в модели: ИНВЕНТАРНАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА — НОРМА ЯЗЫКА, мы видим, что семема *мужик* как единица инвентарной системы языка, состоящая из сем «человек», «мужской пол», «крестьянин», в норме может быть репрезентирована следующими семемами:

мужик — «человек», «мужской пол», «крестьянин»;

Он жаловался на старосту и то и дело оборачивался к мужикам, как бы приглашая их в свидетели; лицо у него покраснело и вспотело, и глаза стали острые и злые (А. Чехов. *Мужики*).

[*Лопухин*]... *Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башимаках. Со свиным рылом в калашный ряд... Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобратся, то мужик мужиком...* (А. Чехов. *Вишневы сад*).

мужик — «человек», «мужской пол»;

— *Смотри, Михаил, один мужик в доме остаешься. Береги баб-то, — полушутливо, полусерьезно говорил отец* (Б. Полевой. *Гвардии рядовой*).

Мои потешные мальчишки были уж мужиками, а сидевшие на полу для посылки девчонки замужними бабами (А. Пушкин. *История села Горюхина*).

Я, конечно, знал, что большие парни и даже мужики влюбляются (М. Горький. *В людях*).

мужик — «человек», «мужской пол», «состоящий в браке»;

Жена Барабанова... была во всех делах советчицей и помощницей своего мужика (А. Задорнов. *Амур — батюшка*).

— *Я бы на твоём месте до конца строительства не уезжал. Видела, какие у нас женихи ходят: молодые, красивые... — У меня мужик есть, — спокойно сказала бригадириша* (С. Антонов. *Дожди*).

мужик — «человек», «мужской пол», «грубый и невоспитанный»;

Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр! (А. Чехов. *Медведь*).

Первые два примера иллюстрируют употребление слова *мужик* в терминологическом значении, то есть семема *мужик* совпадает с семемой *мужик*. В других примерах мы

видим, что семема *мужик* не содержит интенциональной семы «крестьянин» и, следовательно, структурно отличается от семемы *мужик*, включающей в свой состав данную сему. Для установления структурных отличий семемы *мужик*, не содержащей сему «крестьянин», рассмотрим механизм реализации слова *мужик* в последнем примере.

При рассмотрении процесса реализации слова *мужик* необходимо учитывать следующие принципиальные моменты. Во-первых — это связь интенциональных сем «человек», «мужской пол» и «крестьянин» с определенными импликационными семами. Так, сема «мужской пол» связана с такими, например, семами, как «сильный», «выносливый», «смелый», «высокий» и т. п.; сема «крестьянин» — с семами «необразованный», «невоспитанный», «грубоватый», «недостаточно культурный» и т. п. Такие импликационные семы в определенных ситуациях могут обуславливать выбор говорящим слова *мужик*, так как появляется необходимость в их актуализации, определяемой коммуникативной задачей.

Во-вторых — это употребление слова *мужик* для наименования референта, не входящего в класс денотатов слова *мужик*. В исследуемом нами примере референтом слова *мужик* является *Смирнов*, который входит в класс денотатов слова *помещик*, а не слова *мужик*. Данное обстоятельство приводит к тому, что одна из интенциональных сем (сема «крестьянин») перестает участвовать в процессе передачи информации и исключается из состава семемы *мужик*.

Представляется, что устранение семы из процесса передачи информации аналогично устранению кинемы из процесса передачи информации словом. Согласно нашему пониманию нейтрализации, кинемы как единицы нормы языка являются репрезентантами соответствующих дифферем и, в этом случае, связаны со значением морфемы/слова, то есть участвуют в процессе передачи словом информации. Например, кинема глухости пронема [т] в экспоненте слова *плот* репрезентирует дифферему /т/. Однако в определенных позициях по требованию нормы реализация дифферемы отменяется, как, например, реализация дифферемы звонкости в позиции на конце слова перед паузой в экспоненте слова *плод*. Отмена реализации дифферемы звонкости, а, следовательно, и отмена реализации фонемы /д/, приводит к исключению пронема [д] из экспонента слова *плод* и замене ее пронемой [т], обусловленной

нормативными правилами. В этом случае кинема глухости пронема [т] перестает быть репрезентантом дифферемы глухости фонемы /т/. Свидетельством тому служит отсутствие функциональной связи у кинемы глухости со значением слова *плод*, то есть кинема перестает участвовать в процессе передачи данным словом информации. Такое состояние кинемы мы определяем как ее нейтрализацию. Сравнивая механизм реализации дифферем с механизмом актуализации сем, мы видим, что последние не имеют специальных нормативных репрезентантов. Процесс актуализации сем состоит в том, что они извлекаются говорящим из своего сознания и при произнесении слова начинают передавать необходимую информацию. Из этого следует, что отмену актуализации семы следует рассматривать как устранение этой семы из процесса передачи информации, а значит, и исключение ее из состава семемы. Учитывая то, что устранение кинемы из процесса передачи информации связано с отменой реализации дифферемы, а устранение семы из процесса передачи информации — с отменой ее актуализации, мы, однако, считаем возможным проводить аналогию между кинемой и семой, ибо как в одном, так и в другом случае отмена реализации/актуализации лингвистической единицы (дифферемы и семы, соответственно) оказывается связанной с прекращением процесса передачи информации, то есть с нейтрализацией лингвистической единицы. Это значит, что аналогично нейтрализации кинемы, устранение семы из процесса передачи информации (и исключение ее из состава семемы) может быть также определено как нейтрализация. Важно учитывать, что и кинема, и сема как единицы нейтрализованные утрачивают функциональную связь, с той лишь разницей, что в одном случае исчезает функциональная связь кинемы со значением слова, а в другом — исчезает функциональная связь семы с экспонентом слова.

Показателем нейтрализации семы «крестьянин» в исследуемом примере служит взаимозаменяемость (чередование) слов *мужик* и *грубиян*. Замена слова *мужик* словом *грубиян*, семема которого является репрезентантом семемы *грубиян* и состоит из сем «человек», «мужской пол», «грубый», не приводит к изменению смысла высказывания:

Вы грубиян! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!

В том случае, когда происходит актуализация семы «крестьянин» в составе семемы

мужик, чередование оказывается недопустимым, ибо нарушается общий смысл высказывания. Например:

Со своим стариком она обращалась не ласково, обзывала его то лежебокой, то холерой. Это был неосновательный ненадежный мужик, и, быть может, если бы она не понукала его постоянно, то он не работал бы вовсе, а только сидел бы на печи да разговаривал (А. Чехов. Мужики).

Сравним: **Со своим стариком она обращалась не ласково, обзывала его то лежебокой, то холерой. Это был неосновательный ненадежный грубиян, и, быть может, если бы она не понукала его постоянно, то он не работал бы вовсе, а только сидел бы на печи да разговаривал*.

Рассматривая нейтрализацию семы как ее устранение из процесса передачи информации, мы, однако, можем говорить и о нейтрализации семемы. Согласно нашему пониманию нейтрализации в фонологии, нейтрализация кинемы приводит к нейтрализации пронемы, рассматриваемой как снижение лингвистической ценности пронемы. Иначе говоря, явление нейтрализации в фонологии представляет собой два взаимосвязанных процесса: устранение кинемы из процесса передачи словом информации и снижение лингвистической ценности пронемы. Данное утверждение основывается на следующих соображениях. Поскольку ценность пронемы есть степень активности ее кинем (то есть участие их в процессе передачи словом информации), которые функционально связаны друг с другом и с экспонентом слова, постольку в случае нейтрализации кинемы (ее устранения из процесса передачи словом информации), количество активных кинем пронемы уменьшается и, следовательно, снижается лингвистическая ценность пронемы, которая перестает быть носителем фонемы. Такое состояние пронемы возможно определить как ее нейтрализацию, ибо в результате снижения своей лингвистической ценности пронема не может реализовать всех системных отношений соответствующей фонемы. Примером нейтрализации пронемы может служить нейтрализация пронемы [т] в экспоненте слова *плод*, которая утратила функциональную связь со значением данного слова. Если мы сравним данную пронему [т] с пронемой [т] в экспоненте слова *том*, то увидим, что в последнем случае пронема [т] функционально связана со значением слова и, следовательно, сохранила все системные отношения фонемы /т/.

Сравним нейтрализацию пронемы с нейтрализацией семемы. Мы исходим из положения, что лингвистическая ценность семемы — это степень активности сем, образующих данную семему. Под активностью сем мы понимаем их участие в процессе передачи информации. Ценность семемы неизменна, то есть семы определенной семемы постоянно участвуют в процессе передачи информации, в противном случае нарушаются системные отношения соответствующего слова в семантическом поле. С другой стороны, ценность семемы может изменяться при выполнении словом определенной коммуникативной задачи. В том случае, когда семема является репрезентантом или носителем семемы, она реализует все системные отношения соответствующего слова в семантическом поле, так как семема реализуется полностью (актуализируются все интенциональные семы семемы). В том случае, когда происходит нейтрализация какой-либо интенциональной семы (или сем), влияющей на системные отношения слова в семантическом поле, семема утрачивает способность реализовать системные отношения слова в семантическом поле. Такая семема перестает быть репрезентантом семемы, и, следовательно, ее лингвистическая ценность снижается. Слово с такой семемой не может осмысливаться в терминологическом значении, ибо нарушена его системная значимость, то есть нарушены его системные отношения в семантическом поле. Смысл такого слова раскрывается только в контексте или в ситуации, когда появляется необходимость в обращении к контексту как условию реализации слова в данном смысле.

Если мы сравним пронему с семемой, то увидим, что как в одном, так и в другом случае снижение лингвистической ценности единиц приводит к неспособности реализовать необходимые системные отношения фонемы и слова, соответственно. Это позволяет определить снижение лингвистической ценности семемы как ее нейтрализацию и рассматривать нейтрализацию в лексике как явление, состоящее из двух процессов: устранения семы из процесса передачи информации и снижения лингвистической ценности семемы.

Однако важно учитывать, что нейтрализация семемы не есть снижение ее коммуникативной значимости. Представляется, что нейтрализация семемы является результатом процесса адаптации семантики слова к ситуации, то есть нейтрализация семемы призвана обеспечить выполнение словом коммуникативной

задачи. Это значит, что нейтрализованная семема сохраняет свою коммуникативную релевантность.

Подводя итог вышесказанному, отметим еще раз, что явление нейтрализации, в нашем понимании, выступает как явление, влияющее на системную значимость слова и связанное с наличием/отсутствием у единицы функциональной связи, на основе которой и формируется системная значимость слова. Кроме того, нейтрализацию мы рассматриваем в виде двух взаимосвязанных процессов: нейтрализации семы и нейтрализации семемы. Первая заключается в устранении семы из процесса передачи информации, утрате семой функциональной связи с экспонентом слова и с другими интенциональными семемами семемы и ее исключении из состава семемы. Нейтрализация семемы — это снижение ее лингвистической ценности, выражающееся в неспособности семемы выступать репрезентантом семемы и реализовать системные отношения соответствующего слова в семантическом поле.

Литература

1. Akamatsu, T. Essentials of functional phonology / Foreword by Andre Martinet / Serie pedagogique / SPILL 16. Louvan-la-Neuve:Peeter et Publications Linguistiques de Louvain, 1992. XI, 193 p.
2. Васильев Л. М. Современные способы формального описания семантики языковых единиц. // Теория содержательно формы. Тамбов, 1981. С. 3—20.
3. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке. // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 73—91.
4. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. М., 1984. 120 с.
5. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. 168 с.
6. Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982. 272 с.
7. Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979. 256 с.
8. Филимонова Ю. В. О нейтрализации нормативных грамматических систем // Ярославский педагогический вестник. 1999, № 2.
9. Черкасов Л. Н. Теория лингвистических систем и системная фонология. Ярославль, 1996. 98 с.
10. Черкасов Л. Н. Введение в языкознание. Конспект лекций. Ярославль, 1998. 101 с.
11. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

М.В. Попинова

Беженцы первой мировой войны

В данной статье речь пойдет о наиболее трагичном этапе движения беженцев в годы первой мировой войны, хронологические рамки которого охватывают лето – осень 1915 года. Достаточного развития в исторической литературе тема беженцев не получила, однако в последние годы появился ряд публикаций, свидетельствующих об интересе исследователей к данной проблеме [1]. Характер этих исследований нельзя рассматривать как комплексный, поскольку проблема предстает в них либо в региональном аспекте, либо в национальном, либо в контексте иных проблем истории первой мировой войны. В то же время проблема эта нуждается, на наш взгляд, в более детальном исследовании. Масштабы движения беженцев в годы первой мировой войны не имели аналогий во всей предшествующей военной истории России. На одном из заседаний Совета министров в конце июля 1915 года министр земледелия и землеустройства А. В. Кривошеин высказался по этому поводу следующим образом: “Из всех тяжких последствий войны это явление самое неожиданное, самое грозное и самое непоправимое. ... По всей России расходятся проклятия, болезни, горе и бедность. ... Великое переселение народов влечет Россию в бездну, к революции и к гибели” [2].

Первая волна беженцев совпала с началом войны. Так, в Москву беженцы из г. Калиша (Польша) стали прибывать уже в августе 1914 года [3]. Война разорвала традиционные представления о нравственности, порядочности и сострадании, ворвалась всеми своими ужасами в жизнь мирного населения, сделав его заложником в споре между “германизмом и славянством”. По свидетельству очевидцев, уже со второго дня оккупации Калиша (немцы вошли в него 20 июля 1914 года) [4] “начались неопишутые зверства. Немецкие солдаты без всякой причины начинали стрелять вдоль улиц. И женщины, и дети – все, что попадалось на улице, падало под их выстрелами. Немцы врываются